

Клайв С. Льюис

ПРИНЦ КАСПІАН

Хроники Нарнии

Клайв Льюис

Принц Каспиан

«ЭКСМО»

Льюис К. С.

Принц Каспиан / К. С. Льюис — «Эксмо», — (Хроники Нарнии)

Великие короли древности призваны в Нарнию, чтобы восстановить справедливость и вернуть трон законному наследнику. Благодаря звуку волшебного горна Питер, Сюзан, Эдмунд и Люси вновь оказываются в стране, которой некогда уже правили долго и счастливо. Нарния – волшебная страна, чьи плодородные земли простираются с севера на юг от замка узурпатора Мураза до Кэр-Паравэля, резиденции королей, где животные разговаривают и где вновь во имя Великого Льва и Жизни оживет древняя магия.

© Льюис К. С.

© Эксмо

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвёртая	24
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Клайв Льюис

Принц Каспиан

Глава первая

Остров

Жили некогда четверо детей – Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси; об их замечательном приключении вы читали в книге «Лев, Колдунья и платяной шкаф». Они открыли дверцу волшебного шкафа и оказались в другом мире, совсем не похожем на наш, и в этом непохожем мире стали королями и королевами страны, которая звалась Нарния. Там, в Нарнии, они царствовали долгие годы, когда же вернулись в Англию, то обнаружили, что здесь, в нашем мире, не прошло и минуты. Во всяком случае, никто не заметил, что они исчезали, а сами они не рассказывали о своём приключении никому, кроме одного очень мудрого взрослого.

Это случилось год назад, а сейчас все четверо сидели на перроне среди чемоданов и спортивных сумок. Они возвращались с летних каникул и вместе доехали до пересадочной станции, откуда расходились две железнодорожные ветки: через несколько минут должен был прийти поезд, на котором уедут девочки, а ещё через полчаса – другой, который заберет мальчиков. Первая часть пути, пока они были вместе, казалась продолжением каникул, но теперь, когда предстояло вот-вот проститься и ехать в разные стороны, каждый вновь почувствовал себя школьником, и все приуныли. Никто не знал, о чем говорить. Люси отправлялась в школу впервые.

На пустом сонном полустанке никого, кроме них, не было. Внезапно Люси тоненько вскрикнула, словно её укусила оса.

– Ты что, Лу? – спросил Эдмунд и, не договорив, ойкнул.

– Что такое?.. – начал было Питер, но тоже сказал не то, что собирался. Вот что он сказал: – Сьюзен, прекрати! Ты чего? Куда ты меня тянешь?

– Я тебя не трогаю, – отозвалась Сьюзен. – Меня саму кто-то тащит. Да прекратите же! Каждый видел, как все другие побледнели.

– У меня то же чувство, – сдавленным голосом произнёс Эдмунд. – Словно меня со страшной силой куда-то волокут. Ой! Вот опять.

– И меня, – произнесла Люси. – Ой, больше не могу!

– Осторожно! – крикнул Эдмунд. – Хватайтесь за руки, держимся друг за друга! Это волшебство – я чувствую! Быстрее!

– Да, – подхватила Сьюзен. – Держимся за руки. Скорее бы это кончилось! Ой!

В следующий миг багаж, скамейки, платформа и вся станция исчезли. Дети стояли в лесу, да в таком густом, что ветки кололись, не давая им шевельнуться. Они расцепили руки, протёрли глаза и дружно вздохнули.

– Ой, Питер! – воскликнула Люси. – Как, по-твоему, может, мы вернулись в Нарнию?

– Это может быть что угодно, – отвечал Питер. – Тут такие заросли – я на два шага вперёд не вижу. Давайте выберемся на открытое место, если тут такое есть.

С трудом, обжигаясь крапивой и царапаясь о колючки, они стали выбираться из зарослей. Вскоре лес поредел, стало гораздо светлее, и через несколько шагов ребята очутились на опушке перед песчаным пляжем. В нескольких метрах впереди крохотными неслышными волнами набегало на песок море. Не было видно ни земли на горизонте, ни облачка в небе. Солнце стояло примерно там, где ему положено стоять часов в десять утра, море ослепительно голубело. Они замерли, вдыхая запах соли.

– Ну и дела! – воскликнул Питер. – Это уже неплохо.

Через пять минут все, разувшись, бродили в прохладной чистой воде.

– Да уж лучше, чем в душном вагоне мчаться к латыни, французскому и алгебре! – заметил Эдмунд. Потом довольно долго они больше не говорили, только шлёпали по воде и выискивали креветок и крабов.

– А всё-таки, – сказала вдруг Сьюзен, – надо что-нибудь решать. Мы скоро проголодаемся.

– У нас есть сэндвичи, которые мама дала в дорогу, – ответил Эдмунд. – У меня, по крайней мере.

– Только не у меня, – отозвалась Люси. – Мои остались в сумке.

– И мои, – добавила Сьюзен.

– Мои в кармане плаща, здесь, на берегу, – сказал Питер. – Выходит два завтрака на четверых. Уже кое-что.

– Пока, – сказала Люси, – я больше хочу не есть, а пить.

Пить хотели все, как бывает, если бродишь в соленой воде под горячим солнцем.

– Это как с робинзонами, – заметил Эдмунд. – В книгах на острове всегда отыскивается источник чистой родниковой воды. Пойдёмте посмотрим.

– Что ж, опять лезть в этот непроходимый лес? – огорчилась Сьюзен.

– Да зачем? – отвечал Питер. – Если здесь есть ручьи, они непременно бегут в море, и мы на них наткнёмся, если пойдём вдоль берега.

Дети вышли из воды и сначала брели по ровному влажному песку, а потом по сухому сыпучему, который забивался между пальцами ног, и они надели носки и ботинки. Правда, Эдмунд и Люси хотели идти босиком, а обувь где-нибудь пока оставить, но Сьюзен возразила, что это глупо.

– Вдруг потом не найдём, – сказала она, – а ночью, если мы всё ещё будем здесь, без обуви станет холодно.

Все обулись и пошли вдоль берега, так что море было слева от них, а лес – справа. Берег был совершенно пустой, разве что изредка над водой проносилась чайка. В лесу ничего было не разглядеть за спутанными ветвями – ни птицы, ни букашки, ни даже малейшего шевеления.

Ракушки, водоросли, анемоны, крошечные крабики между камнями – это замечательно, но вскоре утомляет, когда все твои мысли только о питье. После холодной воды ноги казались горячими и тяжелыми. Сьюзен и Люси перенеслись сюда в плащах. Эдмунд сбросил куртку как раз перед тем, как их настигло волшебство, и теперь мальчики по очереди несли плащ Питера.

Вскоре берег начал плавно изгибаться вправо. Ещё через полчаса ребята перевалили каменистую гряду, оканчивающуюся мысом. Здесь берег делал крутой поворот. Теперь та часть моря, к которой дети вышли из леса, оказалась у них за спиной, а впереди, за узкой полоской воды, расстился другой берег, тоже густо заросший деревьями.

– Интересно, мы на острове или туда можно перейти? – спросила Люси.

– Не знаю, – отвечал Питер, и все побрели дальше в молчании.

С каждой сотней шагов противоположный берег приближался, и ребята за каждым выступом ожидали найти перемычку, однако не тут-то было. Наконец им попалась довольно высокая гряда камней.

– Тыфу ты, пропасть! – воскликнул Эдмунд, взобравшись на неё и поглядев вперёд. – Нам никогда туда не перебраться! Мы на острове!

Это была правда. Пролив здесь был всего ярдов тридцать-сорок, но ребята видели, что это самое узкое место. Дальше берег вновь поворачивал вправо, между ним и материком лежало открытое море. Стало понятно и другое – они обошли больше половины острова.

– Смотрите! – воскликнула вдруг Люси. – Что это?

Она указывала на что-то длинное, серебряное, змеящееся по берегу.

– Ручей! Ручей! – закричали остальные и, несмотря на усталость, не теряя времени, топтали по камням к воде. Зная, что выше по течению вода лучше, они направились туда, где

ручей вытекал из леса. Деревья здесь росли так же густо, как и везде, но ручей прорыл себе глубокое русло между высокими замшелыми берегами, так что, вступив в него, вы оказывались как бы в лиственном туннеле. Ребята бросились на колени у первой же тёмной, покрытой рябью заводи и пили, и пили, и окунали лица в воду, а затем погрузили руки по локоть.

– Ну, – сказал Эдмунд, – так как насчёт сэндвичей?

– Может, лучше побережём их на потом? – спросила Сьюзен. – Когда ещё больше захочется.

– Вот бы теперь, когда мы напились, и жажда бы прошла, и голод бы не пришёл, – сказала Люси.

– Так всё-таки, как насчет сэндвичей? – повторил Эдмунд. – Чего их беречь? Пока не испортятся? Здесь жарче, чем в Англии, а мы столько времени таскаем их в карманах.

Достали оба пакета и разделили на четверых. Никто не наелся, но всё же это было лучше, чем ничего. Затем стали обсуждать, как поесть в следующий раз. Люси предлагала пойти к морю и наловить креветок, но кто-то возразил, что у них нет сачка. Эдмунд советовал поискать чайчьи яйца среди камней, но никто не помнил, чтобы им попадались чайчьи гнезда, да и непонятно было, как эти яйца приготовить, если они все же отыщутся. Питер про себя подумал, что очень скоро они будут рады и сырым чайчьим яйцам, но вслух говорить не стал. Сьюзен пожалела, что они так быстро съели сэндвичи. Раз или два дело чуть не дошло до ссоры. Наконец, Эдмунд сказал:

– Слушайте. Остаётся только одно: исследовать лес. Отшельники, и странствующие рыцари, и все такие всегда как-то устраиваются в лесу. Ну, находят корни, ягоды, ещё что-нибудь.

– Какие корни? – спросила Сьюзен.

– Я всегда думала, что речь идёт о древесных корнях, – призналась Люси.

– Пошли, – сказал Питер. – Эд прав. Надо что-то делать. И всё лучше, чем идти назад на солнцепёк.

Они двинулись вверх по ручью. Это было здорово трудно – приходилось то подлезать под ветви, то перебираться через них. Продираясь через густые заросли чего-то вроде рододендронов, они изорвали одежду и промочили ноги в ручье, но по-прежнему слышали лишь журчание воды да хруст веток у себя под ногами. Они уже порядком выдохлись, когда их ноздри уловили чудный аромат и что-то яркое блеснуло над правым берегом.

– Ура! – воскликнула Люси. – По-моему, это яблоня.

Так и было. Пыхтя, они взобрались на крутой берег, пролезли сквозь ежевичник и очутились возле старого дерева, усыпанного большими золотисто-желтыми яблоками, такими спелыми и сочными, каких только можно пожелать.

– Да она тут не одна! – сказал Эдмунд, набивая рот.

– Здесь их уйма! – воскликнула Сьюзен, отбрасывая огрызок и принимаясь за следующее. – Наверное, здесь был фруктовый сад – давным-давно, прежде чем это место одичало и вокруг вырос лес.

– Значит, это когда-то был обитаемый остров, – сказал Питер.

– А это что? – спросила Люси, указывая вперед.

– Вот это да! Стена! – сказал Питер. – Старая каменная стена.

Раздвигая поникшие от тяжести плодов ветви, они достигли стены. Очень старая, местами разрушенная, заросшая мхом и камнеломками, она была тем не менее выше самых высоких деревьев. Подойдя ближе, дети обнаружили огромную арку, которая раньше, должно быть, закрывалась воротами. Теперь на их месте росла самая высокая яблоня. Чтобы пролезть внутрь, пришлось обламывать ветки, и внезапно их просто ослепил солнечный свет. Дети стояли на просторной, окружённой стеною площадке. Здесь не было деревьев, только ровная трава, и маргаритки, и плющ, и серые камни. Это было светлое, скрытное, тихое место,

почти печальное; и все четверо вышли на середину, радуясь, что можно наконец-то распрямить спины и двигаться без помех.

Глава вторая

Древняя сокровищница

– Это не сад, – сказала наконец Сьюзен. – Это был замок, а здесь – внутренний двор.

– Я понимаю, о чём ты, – отозвался Питер. – Да, на крепость похоже. Вот и лестница на стену. А ещё гляньте на те ступени, широкие и низкие, которые уходят в дверной проём: они наверняка вели в большой зал.

– Столетия назад, судя по виду, – сказал Эдмунд.

– Да, столетия назад, – подхватил Питер. – Надеюсь, мы раз узнаем, кто жил в этом замке и насколько давно.

– У меня такое странное чувство... – начала Люси.

– Правда? – Питер обернулся и пристально поглядел на неё. – Знаете, у меня тоже. Это самое странное за весь этот странный день. Хотел бы я знать, где мы и что всё это значит.

За разговором они пересекли двор и прошли через дверную арку туда, где был когда-то зал. Здесь всё было в точности так же, как во дворе, потому что кровля давным-давно истлела. Они стояли среди травы и маргариток, только стены были выше и сходились теснее. В дальнем конце возвышалось что-то вроде террасы.

– Вы думаете, это правда был зал? – спросила Сьюзен. – Что там за уступ?

– Ну же, глупая, – сказал Питер, приходя в странное волнение, – разве не видишь? Это было возвышение, на нём стоял престол, сидели король и великие лорды. Можно подумать, ты забыла, как мы сами были королями и королевами и сидели на таком же возвышении в тронном зале...

– ...в нашем замке Кэр-Параваль, – продолжила Сьюзен мечтательно и напевно, – в устье Великой реки. Как могла я забыть!

– Всё так ясно припомнилось! – воскликнула Люси. – Можно представить, что мы сейчас в Кэр-Паравале. Этот зал похож на большой пиршественный.

– К сожалению, без пиршества, – добавил Эдмунд. – Однако вечереет. Смотрите, какие длинные тени. И вы заметили, что уже не так жарко?

– Раз придётся здесь ночевать, то надо разжечь костер, – сказал Питер. – У меня есть спички. Давайте соберём хворост.

Все согласились, что это разумно, и в следующие полчаса были заняты делом. В саду, сквозь который они прошли, хвороста не оказалось. Дети пошли в другую сторону, выбрались через боковую дверцу в лабиринт каменных гряд и углублений, где когда-то, наверное, были коридоры и комнатки, а теперь росли лишь крапива и дикие розы. За ними ребята обнаружили широкий пролом в крепостной стене и вышли через него в чашу, где деревья были темнее, и выше, и толще. Тут они нашли сколько хочешь сухих веток, подгнивших сучьев, опавших листьев и еловых шишек. Дети носили их охапками, пока на возвышении не собралась огромная куча. Во время пятой вылазки они наткнулись на скрытый в сорняках колодец, как раз напротив зала. Когда траву расчистили, он оказался глубоким, с прозрачной ключевой водой. Его наполовину огибала полуразрушенная мощёная дорога. Потом девочки пошли ещё за яблоками, а мальчики развели костер на возвышении, ближе к углу, где, как они решили, будет самое уютное и тёплое место. Они изрядно помучились и извели много спичек, но в конце концов хворост запылал, и все четверо усадились спиной к стене и лицом к огню. Они попытались испечь яблоки на прутиках, но печёные яблоки не так хороши без сахара и к тому же обжигают руки, а если их остудить, то становятся совсем невкусными. Пришлось довольствоваться сырыми яблоками, которые, как заметил Эдмунд, заставляют осознать, что школьные завтраки были не так уж плохи.

– Я бы не отказался сейчас от хорошего толстого бутерброда, – добавил он. Однако дух приключений уже овладел детьми, и никто на самом деле не хотел обратно в школу. Вскоре после того как все яблоки доели, Сьюзен пошла к колодцу попить. Когда она вернулась, что-то было у неё в руке.

– Посмотрите, – сказала она чуть дрожащим голосом. – Я нашла это возле колодца. – Она протянула Питеру какую-то маленькую вещицу и села. Казалось, она вот-вот расплачется. Эдмунд и Люси нетерпеливо подались вперёд, посмотреть, что там у Питера в руке – маленькое, яркое, блестящее в свете костра.

– Чтоб мне провалиться, – сказал Питер, и голос его тоже прозвучал странно. Потом он передал вещицу Люси и Эдмунду.

Это был маленький шахматный конь, с виду обычный, но необычайно тяжёлый, потому что был отлит из чистого золота, с двумя маленькими рубинами вместо глаз, вернее, с одним, потому что другой выпал.

– Ой! – воскликнула Люси. – Он в точности, как те золотые шахматные фигурки, которыми мы играли, когда были королями и королевами в Кэр-Паравале.

– Успокойся, Сью, – сказал Питер другой сестре.

– Не могу, – отвечала Сьюзен. – Всё как будто встало перед глазами – ах, эти прекрасные времена. Я вспомнила, как мы играли с фавнами и добрыми великанами, и сирен, поющих в море, и мою славную лошадку, и... и...

– Ладно, – сказал Питер совсем другим голосом, – нам пора всерьёз подумать.

– А что? – спросил Эдмунд.

– Никто не догадывается, где мы? – сказал Питер.

– Говори, говори, – подхватила Люси. – Я давно чувствую, что здесь что-то ужасно таинственное.

– Валяй, Питер, – поддержал Эдмунд. – Мы слушаем.

– Мы в развалинах Кэр-Паравала, – сказал Питер.

– Да ну, – возразил Эдмунд. – С чего ты взял? Эта крепость веками лежит в руинах. Посмотри, какое огромное дерево выросло прямо в воротах. Посмотри на камни. Каждый скажет, что тут сотни лет уже никто не живет!

– Вижу, – сказал Питер. – В этом и загвоздка. Но давайте отвлечёмся и рассмотрим по пунктам. Во-первых, этот зал в точности такой же длины и ширины, как в Кэр-Паравале. Представьте только над ним крышу, мозаичный пол вместо травы и ковры на стенах – и вот он наш королевский пиршественный зал.

Все молчали.

– Во-вторых, – продолжал Питер, – колодец точно там же, где и у нас был, немного южнее большого зала, и точно такого же размера.

Опять никакого ответа.

– В-третьих, Сьюзен только что нашла одну из наших шахматных фигурок – или похожую как две капли воды.

По-прежнему никто не ответил.

– В-четвёртых. Помните – как раз за день до того, как прибыло посольство из Тархистана, – помните, как сажали сад за северными воротами Кэр-Паравала? Величайшая из лесных существ, сама Помона явилась во всемогуществе добрых чар. Тогда славные ребята кроты здорово покопали. Разве вы забыли смешного старого Белоручку, главного крота, как он опёрся на лопату и говорит: «Попомните мои слова, ваше величество, придёт день, когда вы порадуетесь плодам этих деревьев». И он оказался прав, клянусь честью!

– Помню, помню! – воскликнула Люси, хлопая в ладоши.

– Но послушай, Питер, – сказал Эдмунд. – Это же всё вздор. Начать с того, что мы не натыкали деревьев прямо против ворот. Мы бы такой глупости не сделали.

– Разумеется, – согласился Питер. – В воротах они разрослись уже потом.

– И ещё, – сказал Эдмунд. – Кэр-Параваль – не на острове.

– Да, я уже об этом думал. Но это был – вспомните! – полуостров. Разве он не мог за это время сделаться островом? Например, кто-нибудь вырыл канал.

– погоди минуточку! – сказал Эдмунд. – Вот ты сам говоришь «за это время». Но мы только год как вернулись из Нарнии. Ты же не хочешь сказать, что за год рухнули стены, выросли дремучие леса, крохотные саженцы превратились в огромный старый сад и ещё незнамо что. Такого быть не может.

– Вот что, – сказала Люси. – Если это Кэр-Параваль, здесь должна быть дверца, в самом конце помоста. Собственно, если так, то сейчас мы сидим к ней спиной. Ну, помните, дверь в сокровищницу.

– Полагаю, здесь нет никакой двери, – сказал Питер, вставая.

Стену за ними покрывал сплошной ковер плюща.

– Скоро узнаем, – сказал Эдмунд, поднимая одну из палок, приготовленных для костра. Он начал простукивать заросшую стену. Тук-тук – стучала палка по камню, и снова – тук-тук, и затем вдруг: бум-бум – совсем другой, глухой, деревянный звук.

– Ух ты! – воскликнул Эдмунд.

– Надо ободрать плющ, – сказал Питер.

– Давайте не будем, – взмолилась Сьюзен. – Давайте лучше утром. Если придётся здесь ночевать, мне не хотелось бы лежать спиной к открытой двери, к большой чёрной дыре, откуда что угодно может вылезти, не считая уже сырости и сквозняка. И скоро стемнеет.

– Сьюзен, как тебе не стыдно! – укорила Люси. Но мальчики Сьюзен не слышали. Они обдирали плющ руками и карманным ножиком Питера, пока тот не сломался. Тогда Эдмунд отыскал свой. Вскоре всё вокруг оказалось засыпано плющом, но дверь они наконец расчистили.

– Заперта, конечно, – сказал Питер.

– Да дерево-то всё сгнило, – отвечал Эдмунд. – Мы его в момент разломаем, ещё и топливо будет лишнее. Давай.

Дверь оказалась прочнее, чем они ожидали, и, прежде чем они её выломали, большой зал погрузился во тьму и над головами зажглись первые звезды. Не одну Сьюзен пробрала легкая дрожь, когда мальчики остановились посреди кучи разломанного дерева, вытирая грязные руки и вглядываясь в холодную тёмную дыру.

– Теперь нужен факел, – сказал Питер.

– А стоит ли? – вмешалась Сьюзен. – И Эдмунд говорил...

– Я этого больше не говорю, – перебил Эдмунд. – Я ещё не всё понимаю, но мы потом разберёмся. Идём, Питер?

– Идём, – сказал Питер. – Веселей, Сьюзен. Не дело вести себя, как маленькие, раз мы снова в Нарнии. Ты здесь королева. Кстати, нам всё равно не заснуть с такой загадкой.

Они попытались взять вместо факелов длинные палки, но ничего не вышло. Если держать их зажжённым концом вверх, они гаснут, а если наоборот, обжигают руки и дым попадает в глаза. В конце концов решили обойтись карманным фонариком Эдмунда; к счастью,

его подарили на день рождения меньше недели назад, и батарейки были ещё целые. Эдмунд с фонариком шёл впереди, потом Люси, за ней Сьюзен, а Питер шагал замыкающим.

– Тут лестница, – сказал Эдмунд.

– Сосчитай ступени, – велел Питер.

– Раз, два, три, – начал Эдмунд, осторожно спускаясь вниз, и так до шестнадцати. – Это последняя, – крикнул он, оборачиваясь.

– Тогда это правда Кэр-Параваль, – промолвила Люси. – Их и было шестнадцать.

Потом все молчали, пока не сбились в кучку в полуметре от лестницы. Тогда Эдмунд посветил фонариком вокруг.

– О-о-о-ой! – воскликнули дети в один голос.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений, что это старинная сокровищница в Кэр-Паравале, где они некогда правили. Посередине шло что-то вроде дорожки (как в оранжерее), по обе стороны на равных расстояниях стояли роскошные доспехи, словно рыцари, охраняющие сокровища. Между ними помещались полки, заваленные редкостными вещами – ожерельями, браслетами и кольцами, золотыми чашами и блюдами и длинными рогами из слоновой кости, застёжками, цепями и диадемами из золота, множеством неоправленных камней, насыпанных, как картошка, – алмазов, рубинов, яхонтов, изумрудов, топазов и аметистов. Под полками стояли большие железные сундуки, окованные железными скрепами и запертые на тяжёлые замки. Здесь было ужасно холодно и так тихо, что слышно было дыхание стоящего рядом. Сокровища

покрывала толстая пыль; если бы ребята не знали, где они находятся, и не вспомнили большинство вещей, они с трудом угадали бы, что это за драгоценности. Было в этом месте что-то печальное и немного страшное, из-за того, наверное, что оно выглядело таким заброшенным. Вот почему первые минуты все стояли в молчании.

Потом, конечно, они стали ходить и брать в руки разные вещи, чтобы их рассмотреть. Они словно встретились с добрыми старыми друзьями. Окажись вы там, вы бы слышали, как дети говорят друг другу: «Смотри, наши коронационные перстни – помнишь, как мы их впервые надели?» – «Ой, та самая пряжка, мы все думали, что она потерялась». – «А это, кажется, доспехи, которые ты надевал во время великого турнира на Одиноких Островах?» – «Помнишь гнома, который это для меня выковал?» – «Помнишь, как пили из этого рога?» – «Помнишь?.. ты помнишь?..»

Внезапно Эдмунд сказал:

– Слушайте, хватит расходовать батарейки, мы не знаем, на сколько они ещё понадобятся. Может, возьмём что нужно и уйдём отсюда?

– Надо взять дары, – сказал Питер.

Когда-то на Рождество в Нарнии он, Сьюзен и Люси получили особые дары, которые ценили больше, чем все свои владения. Эдмунду дара не досталось, потому что его тогда с ними не было (по его собственной вине, об этом вы можете прочесть в другой главе). Все согласились с Питером и пошли по дорожке до стены в дальнем конце сокровищницы. Здесь, как и следовало ожидать, были развешаны их дары. У Люси был самый маленький – крохотный флакончик, однако не из стекла, а из алмаза, и больше чем до середины наполненный волшебным снадобьем, способным вылечить почти любую рану или болезнь. Люси не сказала ни слова и посмотрела очень торжественно, когда сняла свой дар со стены, перекинула цепочку через плечо и почувствовала флакончик у себя на боку, как в прежние дни. Дарами Сьюзен были лук со стрелами и рог. Лук висел здесь и колчан, полный прекрасно оперённых стрел.

– Ой, Сьюзен, – сказала Люси. – Где же рог?

– Ах, вот оно что, – отвечала Сьюзен, подумав минуту. – Теперь вспоминаю. Я взяла его с собой в тот самый последний день, в день охоты на Белого Оленя. Наверное, рог исчез, когда мы попали обратно в то другое место – я хочу сказать, в Англию.

Эдмунд присвистнул. Всех огорчила утрата, ведь рог был волшебный, и когда бы в него ни подули, помощь непременно приходила, как бы далеко вы ни оказались.

– Он-то бы нам сейчас и пригодился, – заметил Эдмунд.

– Ничего, – сказала Сьюзен. – У меня есть лук.

И она сняла его со стены.

– Разве тетива не истлела, Сью? – спросил Питер.

То ли благодаря волшебному воздуху сокровищницы, то ли ещё почему, но лук оказался в полной боевой готовности. Стрелять из лука и плавать – это Сьюзен умела здорово. В одно мгновение она натянула тетиву и слегка тронула пальцем. Тетива зазвенела; поющему звону откликнулось всё кругом. И от этого слабого звука сильнее, чем от всего остального, в сознание детей нахлынуло прошлое. Сразу вспомнились все битвы, охоты и пиры.

Затем она вновь спустила тетиву и повесила на бок колчан.

Наконец, Питер взял свои дары – щит с изображением большого красного льва и королевский меч. Он подул на них и слегка постучал по полу, чтобы стряхнуть пыль. Щит он надел на руку, а меч прицепил на бок. Сперва он боялся, что меч заржавел и застрянет в ножнах, но это было не так. Одним лёгким движением Питер выдернул и вскинул меч, сверкнувший в свете фонарика.

– Это мой меч Риндон, – сказал он. – Им я убил Волка.

В его голосе прозвучало что-то новое, и всем стало ясно, что перед ними опять Верховный Король Питер. Затем, после маленький паузы, все вспомнили, что надо беречь батарейки.

Они прошли по лестнице, развели большой костер и улеглись, прижавшись для тепла друг к другу. Земля была очень твёрдая и неудобная, но в конце концов они заснули.

Глава третья

Гном

Спать на земле тем плохо, что ужасно рано просыпаешься, а как только проснёшься, сразу приходится вставать, потому что земля такая жёсткая и на ней очень неудобно. И уж совсем плохо, если на завтрак одни яблоки, особенно если и вчера на ужин были одни яблоки. Когда Люси (совершенно справедливо) заметила, что утро чудесное, никто не откликнулся. Эдмунд сказал то, что чувствовали все: «Пора смыться с этого острова».

Все напились из колодца и ополоснули лица, потом прошли обратно по ручью к проливу, отделявшему их от материка.

– Можно перебраться вплавь, – предложил Эдмунд.

– Сюзен доплывет, – сказал Питер (Сюзен в школе получала призы за плавание). – Не знаю, как остальные.

Под «остальными» он разумел Эдмунда, который не мог дважды проплыть школьный бассейн, и Люси, которая вообще не умела плавать.

– И вообще, – добавила Сюзен, – здесь может быть течение. Папа говорит, что нельзя купаться в незнакомом месте.

– погоди, Питер, – возразила Люси. – Конечно, я не умею плавать дома – то есть в Англии. Но разве мы не плавали в те давние времена – если это давние времена, – когда были королями и королевами в Нарнии? Мы тогда умели ездить верхом и ещё много всего такого. Как потвоему?

– Да, но мы были тогда вроде как взрослые, – сказал Питер. – Мы царствовали много лет и всему учились. Мы же не стали опять такими же.

– Ой! – произнес Эдмунд таким голосом, что все разом смолкли. – Я только что всё понял.

– Что понял? – спросил Питер.

– Ну, всё, – отвечал Эдмунд. – Помните, вчера вечером мы удивлялись, как это мы лишь год назад покинули Нарнию, а здесь всё такое, словно в Кэр-Паравале не жили многие сотни лет? Ну, смотрите, мы тогда столько пробыли в Нарнии, а когда прошли обратно через платяной шкаф, оказалось, что время нисколько не сдвинулось?

– Продолжай, – сказала Сюзен, – кажется, я начинаю понимать.

– И это значит, – продолжал Эдмунд, – что за пределами Нарнии вы не можете знать, как в ней идёт время. Может, пока в Англии прошел год, в Нарнии миновали столетия?

– Точно, Эд, – согласился Питер. – Думаю, ты прав. Похоже, мы и вправду жили в Кэр-Паравале сотни лет назад, а теперь вернулись в Нарнию, всё равно как если бы крестоносцы, или англосаксы, или древние бритты какие-нибудь вернулись в современную Англию!

– Как же нам удивятся... – начала Люси, но в ту же секунду кто-то произнес «Эй!» или «Смотрите!», потому что произошло нечто новое.

На материке немного справа от них темнел лесистый мыс, и дети теперь не сомневались, что сразу за ним – устье реки. Теперь из-за этого мыса показалась лодка. Обогнув лесистый выступ, она развернулась и двинулась через пролив прямо на ребят. На борту было двое, один грёб, другой сидел на корме, придерживая свёрток, который дёргался и извивался, как живой. Оба походили на воинов – бородатые и суровые. На обоих были стальные шапки и лёгкие кольчуги. Дети спрятались в лесу и наблюдали, не шевелясь.

– Пора, – сказал солдат на корме, когда лодка проходила почти против ребят.

– Привязать ему, что ли, камень к ногам? – спросил другой, опуская весла.

– На кой? – проворчал другой. – Мы и не брали с собой камней. И без камня отлично утонет, связанный-то.

С этими словами он привстал и поднял свой свёрток. Питер теперь ясно видел, что свёрток и впрямь живой и что на самом деле это гном, связанный по рукам и ногам, но брыкающийся из последних сил. В следующий миг над ухом у Питера пропела тетива, солдат вскинул руки, уронив гнома на дно лодки, и упал в воду. Барахтаясь, он поплыл к дальнему берегу, и Питер понял, что выпущенная Сьюзен стрела попала ему в шлем. Обернувшись к сестре, Питер увидел, что она очень бледна, но уже накладывает на тетиву вторую стрелу. Однако нового выстрела не потребовалось. Едва увидев, что его спутник упал, второй солдат с громким криком выпрыгнул из лодки и тоже заплескал по воде (там явно было неглубоко). Вскоре и он скрылся в лесу.

– Быстрее! Пока её не снесло! – крикнул Питер.

Они со Сьюзен как были одетые бултыхнулись в воду и, прежде чем она дошла им до плеч, уже держались за борта лодки. В несколько секунд они вытащили её на берег, вынули гнома, и Эдмунд принялся разрезать верёвки перочинным ножиком (меч Питера был острее, но ножом такое делать сподручнее). Когда путы упали на землю, гном сел, потёр руки и ноги и заявил:

– Ну, что бы там ни говорили, на призраков вы не похожи.

Как большинство гномов, он был коренастый и широкоплечий, футов трех росту, если бы встал. Рыжие борода и усы почти скрывали лицо, так что из них лишь блестели чёрные глаза да торчал крючковатый нос.

– Призраки вы или нет, – продолжал он, – но вы спасли мне жизнь, и я вам чрезвычайно обязан.

– А почему мы вдруг должны быть призраками? – спросила Люси.

– Мне всю жизнь твердили, – отвечал гном, – что в этих лесах призраков больше, чем деревьев. И вот почему когда от кого-нибудь хотят избавиться, его привозят сюда (как меня) и говорят, будто оставили призракам. Я-то и прежде думал, что его или топят, или перерезают ему глотку. В призраков я никогда особенно не верил. Но эти два труса, которых вы подстрелили, они-то верили. Им было страшнее предавать меня смерти, чем мне – идти на смерть!

– А, – сказала Сьюзен, – так вот почему они удрали.

– То есть как удрали? – переспросил гном.

– Они убежали, – сказал Эдмунд. – На материк.

– Я стреляла не чтоб убить, – пояснила Сьюзен. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь решил, будто она промахнулась с такой близости.

– Хм, – засопел гном. – Это нехорошо. Могут быть неприятности. Разве что они попридержат язык ради собственной безопасности.

– За что же вас собирались утопить? – спросил Питер.

– О, я-то! Я – опасный преступник, – весело сказал гном. – Только это долгая история. Может быть, сначала пригласите меня позавтракать? Вы и не поверите, какой аппетит приходит во время казни.

– Здесь только яблоки, – печально отвечала Люси.

– Лучше, чем ничего, но всё же свежая рыбка будет ещё получше, – сказал гном. – Получается, что это я, наоборот, приглашаю вас на завтрак. Я вижу тут в лодке кой-какие рыболовные снасти. В любом случае надо отвести лодку на ту сторону острова, пока её не увидели с материка.

– Я сам должен был об этом подумать, – сказал Питер.

Четверо детей и гном подошли к краю воды, не без труда оттолкнули лодку и вскарабкались в неё. Гном сразу же взял на себя управление. Весла, конечно, были слишком для него велики, так что греб Питер, а гном направлял их на север вдоль пролива и дальше на восток вдоль оконечности острова. Теперь ребята видели реку, все заливы и выступы берега вдали. Некоторые казались знакомыми, но леса, которые разрослись за это время, очень все изменили.

Когда они вышли в открытое море к востоку от острова, гном приступил к рыбной ловле. Улов был превосходный, вкус павлинок, прекрасных радужных рыб, они помнили еще по старым дням в Кэр-Паравале. Наловив достаточно, они загнали лодку в бухточку и привязали к дереву. Гном, который оказался мастером на все руки (уж конечно, хотя и случается встретить дурных гномов, я никогда не слышал про гнома-неумеху), выпотрошил рыбу, почистил и сказал:

– Ну вот, теперь нам не хватает лишь топлива для костра.

– Мы собрали немного в замке, – отвечал Эдмунд.

Гном протяжно свистнул.

– Бородки-сковородки! – воскликнул он. – Так здесь, оказывается, всё-таки есть замок?

– Одни развалины, – отвечала Люси.

Гном с очень странным выражением оглядел всех четверых по очереди.

– И кто, ради всего... – начал он, но тут же прервал себя и сказал: – Ладно. Сначала завтрак. Но вот что, прежде чем мы пойдем дальше. Можете ли вы, положив руку на сердце, сказать, что я действительно жив? Вы уверены, что меня не утопили и мы все вместе не призраки?

После того как его разуверили, возник вопрос, как перенести рыбу. Не на что было её нанизать, не было и корзины. В конце концов приспособили шапку Эдмунда, потому что ни у кого больше не было шапки. Он, конечно, возмущался бы много громче, если бы сам не был к этому времени голоден как волк.

Сначала гном чувствовал себя в замке не очень уютно. Он огляделся, принялся и сказал:

– Хм. Выглядит несколько призрачно. И дух тоже нездешний.

Однако он приободрился, когда развёл костер и стал показывать, как жарят свежих павлинок на углях. Есть горячую рыбу без вилок, с одним карманным ножом на пятерых не очень-то удобно, и до конца трапезы все не по разу обожгли пальцы, однако, поскольку было уже девять, а встали они около пяти, никто особенно не обращал внимания на ожоги. Завтрак закончили водой из колодца и яблоком-другим, после чего гном достал из кармана трубку размером чуть не с собственный кулак, набил её, зажёл, выпустил облако ароматного дыма и сказал: «Ну, давайте».

– Сначала вы расскажите вашу историю, – сказал Питер, – а потом мы расскажем свою.

– Ладно, – сказал гном, – вы спасли мне жизнь, и вам решать. Только не знаю, откуда и начинать. Прежде всего, я посланец короля Каспиана.

– Кто это? – спросили четыре голоса сразу.

– Каспиан Десятый, король Нарнии, да продлится его царствование! – ответил гном. – Точнее, он должен быть королем Нарнии, и мы надеемся, что будет. Пока он король только у нас, старых нарнийцев...

– Простите, а кто такие старые нарнийцы? – спросила Люси.

– Ну, это мы, – сказал гном. – Мы вроде как подняли мятеж.

– Понятно, – произнес Питер. – И Каспиан – глава старых нарнийцев.

– Ну, в некотором роде да, – отвечал гном. – Но сам он, вообще-то, новый нарниец, тельмарин, понятно?

– Непонятно, – сказал Эдмунд.

– Хуже, чем война Алой и Белой Розы, – заметила Люси.

– Ох-хо-хо, – огорчился гном. – Как-то нескладно получается. Давайте так: я начну с самого начала и расскажу, как Каспиан бежал из дядиногo дворца и как оказался на нашей стороне. Только это долгая история.

– Тем лучше, – отвечала Люси. – Мы любим истории.

Тогда гном устроился поудобнее и начал свою повесть. Я не буду передавать её вам его словами, включая все вопросы и восклицания детей, потому что так вышло бы слишком долго и путано, к тому же пришлось бы пропустить некоторые вещи, которые дети узнали позже. Однако суть истории, которую они, в конечном счете, узнали, следующая.

Глава четвёртая

Гном рассказывает о принце Каспиане

Принц Каспиан жил в большом замке в самом центре Нарнии вместе со своим дядей Миразом, королём Нарнии, и тётей, рыжеволосой королевой Прунапризмией. Отец с матерью у него умерли, и больше всех остальных Каспиан любил свою няню. Хотя его великолепные игрушки (он же был принц) умели почти всё, разве что не разговаривали, ему больше всего нравился поздний час, когда игрушки уже убраны в шкаф и няня рассказывает сказку.

К дяде и тёте его особо не тянуло, но раза два в неделю дядя посылал за ним, и они гуляли вместе по террасе с южной стороны дворца. Однажды, когда они так прогуливались, король спросил Каспиана:

– Ну, малыш, скоро мы начнём учить тебя ездить верхом и владеть мечом. Ты знаешь, у нас с твоей тётей нет детей, и, похоже, тебе быть королём, когда меня не станет. Как тебе это нравится, а?

– Не знаю, дядя, – ответил Каспиан.

– Не знаешь? – повторил Мираз. – Неужто чего-то другого может хотеться больше?

– А мне всё-таки хочется, – сказал Каспиан.

– И чего же именно? – спросил король.

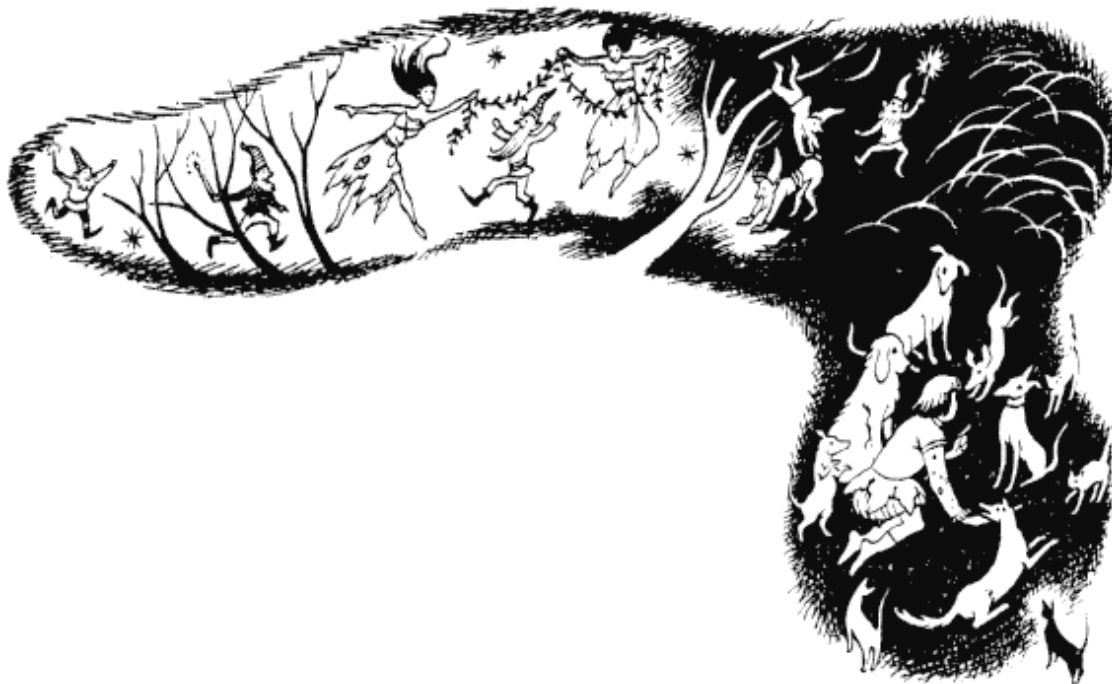
– Мне бы хотелось... мне бы хотелось... жить в прежние дни, – выпалил Каспиан (он был тогда совсем маленький мальчик).

До сих пор король Мираз разговаривал, как многие взрослые с детьми, с таким скучающим видом, который сразу показывает, что их ничуть не интересует ответ, но сейчас он вдруг пристально взглянул на Каспиана.

– А? Что? – переспросил он. – Какие такие прежние дни?

– Разве ты не знаешь? – удивился Каспиан. – Тогда всё было совсем другое. Тогда все звери умели говорить, а в ручьях и деревьях жили такие милые девушки, они назывались наяды

и дриады. И ещё были гномы. И хорошенькие маленькие фавны в каждом лесу. С ножками, как у козликов. И...

– Чепуха всё это, для детишек, – строго сказал король. – Только и годится для малышей, слышишь? Ты уже из этого вырос. В твои годы нужно думать о битвах и приключениях, не о волшебных сказках.

– Да, но в те дни как раз были битвы и приключения, – отвечал Каспиан. – Удивительные приключения. Однажды Белая Колдунья захватила власть над всей страной и сделала так, чтобы всё время была зима. Тогда откуда-то появились два мальчика и две девочки, они убили Колдунью и стали королями и королевами в Нарнии. Их звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. Они царствовали долго-долго, и все радовались, и это было потому, что Аслан...

– Кто это? – спросил Мираз. Будь Каспиан чуть постарше, он догадался бы по дядиному тону, что разумнее замолчать. Однако он продолжал:

– Разве ты не знаешь? – сказал он. – Аслан – великий Лев, который приходит из-за моря.

– Кто наговорил тебе этой чепухи? – произнёс король громовым голосом. Каспиан испугался и ничего не ответил.

– Ваше королевское высочество, – сказал король Мираз, отпуская руку Каспиана, которую до этого держал в своей. – Я решительно требую ответа. Посмотрите мне в лицо! Кто сказал вам этот вздор?

– Н-няня, – выдавил Каспиан и залился слезами.

– Прекратите рёв, – сказал дядя, хватая его за плечи и встряхивая. – Прекратите. И чтобы я больше не слышал, что вы говорите – или даже думаете – об этих дурацких сказках. Никогда не было этих королей и королев. Как могут быть сразу два короля? Никогда не было никакого Аслана. И вообще никаких львов нет. И не было такого времени, когда звери говорили. Вы слышите?

– Да, дядя, – всхлипнул Каспиан.

– Тогда довольно об этом, – сказал король. Он кликнул одного из придворных, стоявших в дальнем конце террасы, и холодно распорядился: – Проводите его королевское высочество в его апартаменты и пошлите его королевского высочества няню ко мне немедленно.

На следующий день Каспиан узнал, что натворил, потому что няню выслали, не позволив им даже проститься, а принцу объявили, что у него будет наставник.

Каспиан очень скучал по няне и пролил много слёз; и из-за того, что он так тосковал, он думал о сказках про Нарнию ещё больше прежнего. Он грезил о наядах и дриадах каждую ночь и старался разговаривать дворцовых кошек и собак. Но бедные собаки только махали хвостами, а кошки только мурлыкали.

Каспиан был уверен, что возненавидит нового наставника, однако, когда через неделю тот появился, оказалось, что его невозможно не полюбить. Он был ниже и толще всех, кого Каспиан до сих пор встречал. Длинная серебристая борода ниспадала до пояса, а лицо, смуглое и покрытое морщинами, было и умным, и безобразным, и добрым. Голос у наставника был важный, а глаза – весёлые, так что, если не знать его достаточно хорошо, порой не угадаешь, слыша его, шутит он или всерьёз. Звался он доктор Корнелиус.

Из всех уроков доктора Корнелиуса Каспиан больше всего любил историю. До сих пор, если не считать нянюшкиных сказок, он ничего об истории Нарнии не знал и с удивлением услышал, что их королевский род в этой стране чужой.

– Вашего высочества предок, Каспиан Первый, – поведал доктор Корнелиус, – завоевал Нарнию и объявил её своим королевством. Он и привёл в эту страну весь свой народ. Вы вовсе не природные нарнийцы. Вы – тельмарины. Это значит, что вы пришли из страны Тельмар, далеко за горами на западе. Вот почему Каспиан Первый зовётся Каспианом Завоевателем.

– Скажите, пожалуйста, доктор, – спросил однажды Каспиан, – кто жил в Нарнии, прежде чем мы пришли сюда из Тельмара?

– Не люди, – отвечал доктор Корнелиус, – вернее, очень мало людей жило в Нарнии до того, как её захватили тельмарины.

– Тогда кому же мой пред-пред-предок завоевал?

– Кого, а не кому, ваше высочество, – сказал доктор Корнелиус. – Видимо, самое время обратиться от Истории к Грамматике.

– Ой, не надо, пожалуйста, – взмолился Каспиан. – Я хотел спросить, было ли сражение? Почему он зовётся Каспиан Завоеватель, если здесь не с кем было сражаться?

– Я сказал, что в Нарнии было очень мало людей, – повторил доктор, очень странно глядя на мальчика сквозь большие очки.

Сначала Каспиан удивился, и вдруг сердце его подпрыгнуло.

– Вы думаете, – прошептал он, – здесь жили кто-то ещё? Вы думаете, было как в сказках? Здесь были...

– Ш-ш-ш! – произнёс доктор Корнелиус, наклоняясь поближе к Каспиану. – Ни слова больше. Разве вы не знаете, что вашу няню выслали именно за это – за рассказы о старой Нарнии? Королю это не нравится. Если он проведаёт, что я открываю вам тайны, вас высекут, а мне отрубят голову.

– Но почему? – спросил Каспиан.

– Теперь самое время обратиться к Грамматике, – громко сказал доктор Корнелиус. – Будьте так любезны, ваше королевское высочество, открыть Пульверулентуса Сиккуса на четвёртой странице его «Грамматического сада, или Павильона Основ Увеселительных, открытого для Юных Умов».

После этого начались глаголы и существительные и продолжались до обеда, но я не думаю, что Каспиан много усвоил. Он был слишком взволнован. Он был уверен, что доктор Корнелиус не сказал бы так много, если бы не собирался рано или поздно сказать больше.

И он не разочаровался. Через несколько дней его наставник сказал:

– В эту ночь я собираюсь дать вам урок Астрономии. На исходе ночи две благородные планеты, Тарва и Аламбиль, пройдут на расстоянии одного градуса друг от друга. Такое противостояние не повторялось двести лет, и ваше высочество не доживёте до следующего. Хорошо бы вам лечь чуть раньше обычного. Когда время противостояния подойдет, я приду и разбужу вас.

Это не обещало ничего про старую Нарнию, о которой Каспиан только и хотел слышать, но встать среди ночи всегда интересно, и, в общем, он был рад. Когда в этот вечер он улёгся в постель, то думал сначала, что не сможет сомкнуть глаз, но вскоре заснул. Казалось, прошло всего несколько минут, когда он почувствовал, что кто-то ласково трясёт его.

Он сел в постели и увидел, что комната наполнена лунным светом. Доктор Корнелиус в плаще с капюшоном, с маленьким светильником в руке стоял у постели. Каспиан сразу вспомнил, куда они собрались. Он встал и оделся. Ночь была летняя, но оказалось холоднее, чем он думал, и Каспиан обрадовался, когда доктор закутал его в такой же плащ, как у него самого, и дал ему пару тёплых мягких туфель. Минутой позже, закутанные так, что их едва ли удалось бы различить в тёмных коридорах, обутые в бесшумные туфли, учитель и ученик покинули комнату.

Каспиан вслед за доктором прошёл несколько коридоров, поднялся по нескольким лестницам, и наконец через дверь в башенке они выбрались на плоскую площадку. С одной сто-

роны были каменные зубы, с другой – скат крыши, под ними – дворцовый сад, мерцающий и тенистый, над ними – луна и звёзды. Они сразу же подошли к другой двери, которая вела в большую центральную башню; доктор Корнелиус отпер её, и они начали подниматься по тёмной винтовой лестнице. Каспиан очень волновался: ему раньше никогда не разрешали сюда ходить.

Лестница была длинная и крутая, но, когда они вышли на крышу и Каспиан отдышался, он понял, что потрудиться стоило. Справа он, хоть и смутно, различал Западные горы, слева светилась Великая река, и так тихо было кругом, что доносился шум водопадов у Бобровой Плотины, в миле отсюда. Нетрудно было отличить две звезды, ради которых они сюда поднялись. Они висели низко на южной стороне неба, яркие, как две луны, и очень близко друг к другу.

– Они столкнутся? – в благоговейном страхе спросил Каспиан.

– О нет, дорогой принц, – ответил доктор (он тоже перешёл на шёпот). – Для этого великие повелители небесных сфер слишком хорошо знают фигуры своего танца. Присмотритесь к ним хорошенько. Их встреча предопределена судьбой и сулит много доброго несчастным землям Нарнии. Тарва, господин Победы, приветствует Аламбиль, госпожу Мира. Сейчас они предельно сблизились.

– Жаль, что их загораживают деревья, – сказал Каспиан. – Мы бы их лучше видели с Западной башни, хотя она не такая высокая.

Доктор Корнелиус ничего не отвечал несколько минут, только тихо стоял, устремив свой взгляд на Тарву и Аламбиль. Затем он глубоко вздохнул и обернулся к Каспиану.

– Итак, – промолвил он, – вы видите то, чего не видел никто из ныне живущих и никто не увидит вновь. И вы правы. С маленькой башни было бы видно лучше. Я привёл вас сюда по другой причине.

Каспиан взглянул на учителя, но лицо его почти скрывал капюшон.

– Достоинство этой башни в том, – продолжал доктор, – что за нами шесть пустых комнат и длинная лестница, а дверь в самом начале лестницы заперта. Нас не могут подслушать.

– Вы хотите сказать мне что-то, о чём не могли поведать в другое время? – догадался Каспиан.

– Да, – отвечал доктор. – Но помните, мы с вами не должны говорить об этом нигде, кроме этого места – самой вершины Большой башни.

– Хорошо. Даю слово, – сказал Каспиан. – Но продолжайте, пожалуйста.

– Слушайте, – сказал доктор. – Всё, что вы слышали о старой Нарнии, – правда. Это не земля людей. Это страна Аслана, страна живых деревьев и зримых наяд, фавнов и сатиров, гномов и великанов, кентавров и говорящих зверей. Это против них сражался первый Каспиан. Это вы, тельмарины, заставили замолчать животных, деревья и источники, убили и изгнали гномов и фавнов, а теперь пытаетесь истребить самую память о них. Король не разрешает о них даже говорить.

– Мне очень жаль, что мы так поступили, – сказал Каспиан. – Но я рад, что всё оказалось правдой, пусть даже теперь никого из них не осталось.

– Многие из вашей породы тоже втайне жалеют, – промолвил доктор Корнелиус.

– Но, доктор, – удивился Каспиан, – почему вы говорите «моей породы»? Разве вы не тельмарин?

– Я? – переспросил доктор.

– Ну, вы же всё-таки человек? – сказал Каспиан.

– Я? – повторил доктор низким голосом и тут же отбросил капюшон, так что Каспиан мог ясно увидеть в лунном свете его лицо.

Каспиан одновременно понял правду и подумал, что должен был догадаться гораздо раньше. Доктор Корнелиус был так мал и так толст, и у него была такая длинная борода...

Две мысли пришли в голову Каспиану в следующую минуту. Сперва ужас – «он не настоящий человек, он вообще не человек, он гном, и он привёл меня сюда, чтобы убить». Затем радостное восхищение – «есть ещё настоящие гномы, и одного из них я сейчас вижу».

– Так вы догадались наконец, – сказал доктор Корнелиус. – Или почти угадали. Я не вполне гном. Во мне есть и человеческая кровь. Многие гномы бежали во время великой битвы и скрылись, сбрили бороды, надели башмаки на высоких каблуках и постарались притвориться людьми. Они смешивались с вами, тельмаринами. Я один из них, всего лишь полугном, и если кто-нибудь из моих родичей, настоящих гномов, ещё живёт в мире, они, несомненно, должны презирать меня и считать за предателя. Но никогда за всё это время мы не забывали нашего народа и других счастливых созданий, а также утраченных дней свободы.

– Я... я очень сожалею, доктор, – сказал Каспиан. – Вы знаете, это не моя вина.

– Я говорю не в укор вам, мой дорогой принц, – отвечал доктор. – Вы можете спросить, зачем я вообще рассказываю вам об этом. На то есть две причины. Во-первых, мое бедное сердце так долго хранило эти тайны, что всё изболелось и разорвётся, если я не прошепчу их вам. Во-вторых, вот зачем: когда вы станете королём Нарнии, вы сможете помочь нам, потому что вы хоть и тельмарин, но любите старую Нарнию.

– Да, да, – сказал Каспиан, – но чем я могу помочь?

– Вы можете быть добры к бедным последышам гномов, таким, как я. Можете собрать учёных магов и попытаться пробудить деревья. Можете исследовать все глухие закоулки и дикие области страны, посмотреть, не осталось ли где-нибудь в укрытиях живых фавнов, говорящих зверей и гномов.

– Вы думаете, они ещё остались? – жадно спросил Каспиан.

– Не знаю, не знаю, – произнёс доктор с глубоким вздохом. – Иногда я боюсь, что уже никого нет. Я искал их следы всю мою жизнь. Порою в горах мне слышалась барабанная дробь, и я думал, что это – гномы. Порой по ночам в лесах чудились промелькнувшие фавны или сатиры, танцующие вдаль, но, когда я подходил ближе, там никого не было. Я нередко отчаивался, но всегда случалось что-то, что пробуждало надежду. Не знаю... А прежде всего вы можете попробовать стать таким королём, как Верховный Король Питер, а не как ваш дядя.

– Так это тоже правда, о королях и королевах и о Белой Колдунье?

– Конечно, правда, – сказал Корнелиус. – Их царствование было золотым веком Нарнии, страна никогда не забудет их.

– Они жили в этом замке, доктор?

– О нет, мой дорогой, – отвечал старик. – Этот замок – произведение наших дней. Его выстроил ваш прапрадед. Когда два сына Адама и две дочери Евы стали королями и королевами Нарнии по воле самого Аслана, они жили в замке Кэр-Параваль. Никто из ныне живущих людей не видел этого священного места, и, возможно, даже руины его исчезли с лица земли. Однако мы считаем, что он стоял далеко отсюда, возле устья Великой реки, на самом берегу моря.

– Ух! – сказал Каспиан, содрогаясь. – Вы хотите сказать, в Чёрных лесах? Где живут эти... эти... ну, вы знаете, призраки?

– Ваше высочество повторяет то, что вам внушили, – произнёс доктор. – Но это всё ложь. Там нет призраков. Это – рассказы тельмаринов. Ваши короли смертельно боятся моря, потому что не могут забыть, что во всех историях Аслан приходил из-за моря. Они не хотят приближаться к морю, не хотят, чтобы к нему приближался кто-то другой. И они дали разрастись огромным лесам, которые отрезали их подданных от берега. Но поскольку они враждуют с деревьями, они боятся и лесов. А раз они боятся лесов, они воображают, что там полно призраков. Короли и вельможи, которые равно ненавидят море и лес, отчасти верят в эти басни, отчасти поддерживают их. Им спокойнее, когда никто в Нарнии не смеет приближаться к берегу и смотреть на море – в сторону земли Аслана, рассвета и восточного края мира.

На несколько минут наступило глубокое молчание. Затем доктор Корнелиус сказал:

- Пойдёмте. Мы пробыли здесь слишком долго. Пора вернуться в постель.
- Разве? – спросил Каспиан. – Я готов говорить об этом часами, ещё и ещё.
- Если мы задержимся, нас могут хватиться, – сказал доктор Корнелиус.

Глава пятая

Приключения Каспиана в горах

С той поры Каспиан и его наставник часто вели тайные беседы на вершине Главной башни, и всякий раз принц всё больше узнавал о Старой Нарнии. Он грезил о старых днях, и страстное желание, чтобы они вернулись, заполняло все его свободные часы. Впрочем, часов этих было не так уж много, потому что за его обучение взялись всерьёз. Он учился фехтовать и ездить верхом, плавать и нырять, играть на флейте и на лютне, охотиться на оленя и разделывать убитого зверя, и это, не считая Космогонии, Риторики, Геральдики, Стихосложения и, разумеется, Истории, с небольшим добавлением Юриспруденции, Физики, Алхимии и Астрономии. Из Магии они изучали только теорию, потому что доктор Корнелиус сказал, что практическая магия – неподходящее занятие для принцев. «И сам я, – прибавил он, – лишь очень несовершенный маг, мне по силам лишь самые простые эксперименты». Навигацию («Которая есть благороднейшее и героическое искусство», – сказал доктор) Каспиан не изучал вовсе, потому что король Мираз не одобрял кораблей и моря.

Каспиан также узнавал многое, чему могли научить собственные глаза и уши. Маленьким он часто удивлялся, почему не любит свою тётку, королеву Прунапризмию; теперь он понимал – это из-за того, что она сама его не любит. Он начинал видеть также, что Нарния – несчастная страна. Налоги были высоки, законы суровы, а Мираз – жестокий человек.

Через несколько лет королева как-то занемогла, в замке начались волнения и хлопоты, визиты врачей, шёпот придворных. Это было ранним летом, а однажды ночью, когда дневная суeta улеглась, Каспиана, едва успевшего проспать пару часов, разбудил доктор Корнелиус.

– Мы пойдём заниматься Астрономией, доктор? – спросил Каспиан.

– Ш-ш-ш! – сказал доктор. – Слушайте меня и всё делайте, как я скажу. Одевайтесь. Вам предстоит долгое путешествие.

Каспиан очень удивился, но он привык во всём доверять наставнику и потому послушался. Когда он оделся, доктор сказал:

– У меня есть для вас сумка. Мы пройдем в соседнюю комнату и наполним её остатками от вечерней трапезы вашего высочества.

– Там мои придворные, – сказал Каспиан.

– Они крепко спят и не проснутся, – отвечал доктор Корнелиус. – Я очень слабый маг, но могу же я в конце концов наслать сонные чары.

Они вышли в соседний зал, и здесь действительно храпели в креслах двое придворных. Доктор Корнелиус быстро отрезал кусок холодного цыпленка, несколько кусков оленины и положил их вместе с хлебом, яблоками и всякой всячиной, а также маленькой фляжкой доброго вина в сумку, которую затем передал Каспиану. Она висела на ремне через плечо, как школьный ранец, в котором вы носите книги.

– Ваш меч при вас? – спросил доктор.

– Да, – отвечал Каспиан.

– Тогда накиньте сверху вот этот плащ, чтобы скрыть меч и сумку. Вот так. А теперь нам надо подняться на Главную башню и поговорить.

Когда они поднялись на вершину башни (была облачная ночь, не такая, как та, когда они наблюдали встречу Тарвы и Аламбиль), доктор Корнелиус сказал:

– Дорогой принц, вы должны немедленно покинуть замок и отправляться на поиски счастья в большом мире. Здесь ваша жизнь в опасности.

– Почему? – удивился Каспиан.

– Потому что вы – истинный король Нарнии, Каспиан Десятый, законный сын и наследник Каспиана Девятого. Долгих лет жизни вашему величеству! – И внезапно, к величайшему удивлению Каспиана, маленький человечек опустился на одно колено и поцеловал ему руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.